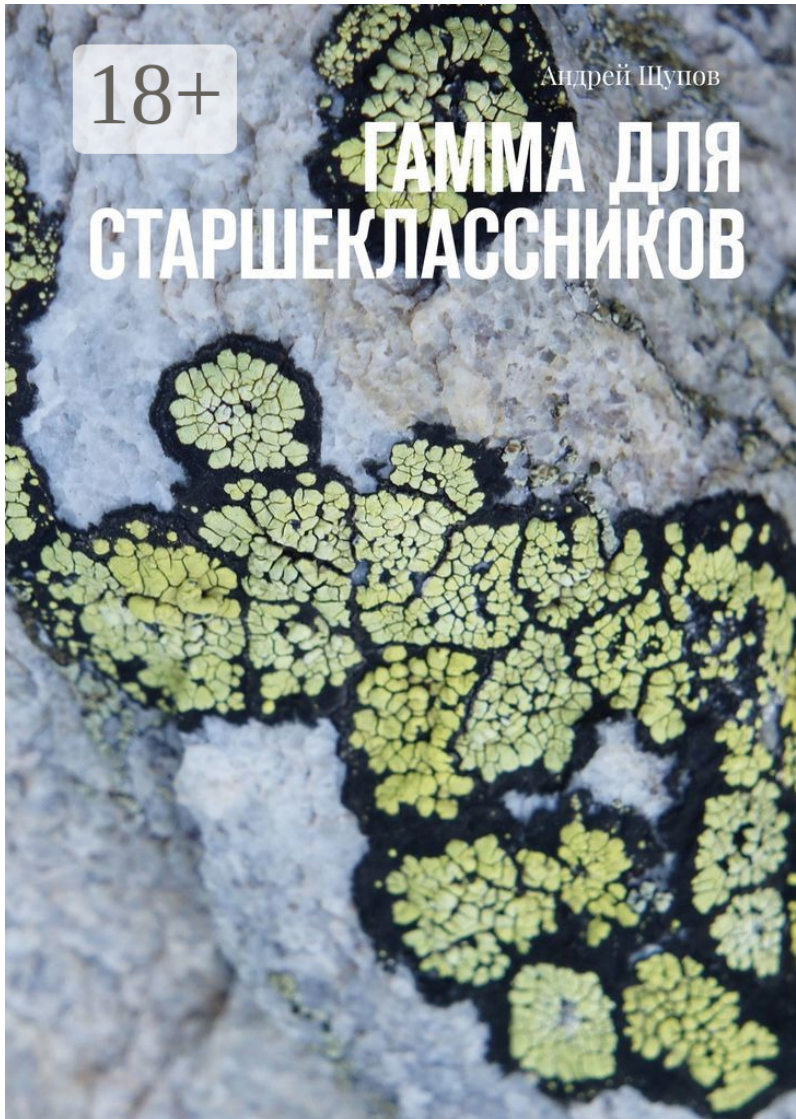

18+

Андрей Шупов

ГАММА ДЛЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Андрей Щупов

Гамма для старшеклассников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607952

ISBN 9785449040480

Аннотация

В данный сборник вошли четыре произведения. На этот раз автор решил озадачить читателя, и если в рассказе «По последнему льду» мы встречаем вполне реальный сюжет, то в иных произведениях участвует его величество Тайна. Нет, это не фантастика в чистом виде, но это грань, за которой простирается чудесное и неизведанное...

Содержание

«Гамма для старшеклассников»	5
Откос	5
По последнему льду	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Гамма для старшекласников

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-4490-4048-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Гамма для старшекласников»

Откос

Дочь Санечка проснулась с плачем. Оторвав от подушки

припухшее личико, вскинула к подбежавшему Сергею руки, обвила паучком. Тут же и поведала сквозь всхлипы, что ей приснилось страшное.

– Я видела, что ты умер, – вздрагивала она в его объятиях. – Лежал на столе такой белый, весь в цветах, совсем как наш дедушка...

Варя, супруга, погладив девчущку, сходила на кухню, принесла воду с горошинами валерьянки.

– Это всего лишь сон, – хором принялись убеждать родители. – Вот чудачка! А сон – это всегда неправда. Вроде картинки в детских книжках. Ты же в сказки не веришь?

– Верю.

– Ну, и напрасно! Их для детей сочиняют. Специально, чтобы напугать.

– А зачем? Зачем напугать?

– Ну... Чтобы было интересней, – Сергей в замешательстве переглянулся с Варей. – Понимаешь, многие любят, когда страшно. Вот для них и сочиняют такое.

– Значит, ты не умрешь?

– Конечно же, нет, – Сергей постарался рассмеяться как можно естественнее. – Сейчас отведу тебя в садик и побегу на работу. Некогда мне умирать.

– И мне некогда, – судорожно вздохнула Санечка. Она уже успокаивалась. – Столько дел в садике.

– Главное, не целуйся в садике своим, – Варя протянула дочке валерьяновые капсулы, помогла запить водой. – Нахо-

дит, понимаешь, женихов. В пять-то лет!

– И что же... У Милены Логовенко тоже есть жених. Даже два. И у Катеньки Смирновой. Они давно целуются. Прямо как взрослые... – дочка уже улыбалась. Тема была куда интереснее, и недобрый сон стремительно размазывался, вагончиком убегал в ночное прошлое. Родители в меру подыгрывали, обряжая юную невесту в детский сарафанный гардероб.

– Александра, ты уже взрослая – значит, обязана и головой временами думать. Весна – холодная, кругом грипп, ангины, а через поцелуи передается вирус. Куда только воспитатели смотрят!

– Они не смотрят, они смеются.

– Конечно, смеются. Я бы тоже посмеялся... – Сергей присел на корточки, поправил воротник на малиновой Санечкиной куртке. – Как хоть зовут жениха?

– Костик. Парни его Костяем зовут, а я – Костик.

Имя соплюна-согруппника дочь произнесла с такой непривычной нежностью, что Сергей не удержался, ревниво чмокнул Саньку в щечку.

– Хорошо, пусть Костик, но давай все-таки договоримся: можете вместе рисовать, в кубики играть, в другие игры, но от поцелуев пока воздержись.

– Но ты же меня целуешь.

– С родителями это одно, с мальчиками – совсем другое. Подожди хотя бы до школы.

– У-у, это долго.

– А ты потерпи. Попробуешь?

Дочь взглянула на отца серьезными серыми глазенками, неуверенно кивнула.

А потом они шли, покачивая сцепленными ладонями, дружно перепрыгивая ледяные оконца, опасливо поглядывая на свисающие с крыш сталактитовые шипы.

– Смотри, какие сосульки – с тебя ростом!

– Красивые!

– Ничего себе красивые! Свалится такая – запросто убьет! – Сергей тут же пожалел, что напомним о том, о чем напомним не следовало. Санька немедленно попыталась рассказать увиденный сон, но находчивый папенька вновь перебил дочуру, рассказав свой, только что выдуманный – про умную девочку, сумевшую приручить одного медведя, двух волков и трех лисиц. Сказка была из классических: глупенькие звери рады-радешеньки были служить девочке, умевшей завязывать шнурки, чистить зубы и подметать пол. А уж за то, что девочка самостоятельно стригла ногти и утирала себе рот салфеткой, мохнатые хищники готовы были и вовсе корзинами таскать ей из леса грибы, ягоды и прочие вкусности. Сергей видел, что дочь не очень-то верит в наивных зверушек, однако на попятный идти не собирался – сочинял до победного. А возле садика ее и развлекать не понадобилось – еще издали дочь разглядела подъезжающие сан-

ки с дремлющим женихом и тотчас замахала ручонками.

– Костик, эй! Хватит спать, вставай!

Мама Кости приостановилась, построжки ослабли, и вострепнувшийся жених сделал попытку выбраться из са-нок молодецким прыжком. По-молодецки не вышло, жених шлепнулся в снег. Все четверо рассмеялись, и смех этот, как подумалось Сергею, стал тем ветерком, что окончательно развеял ночные видения дочери.

В работу он нырял, как в сон.

Или погружался, как в болото. Трудно сказать, что точнее отвечало реалиям. И не очень утешало, что таких как он насчитывалось превеликое множество. Нация трудяг, лодырей и туристов-романтиков в каких-нибудь два десятилетия превратилась в нацию торгашей. Кому-то это нравилось, кому-то не очень. Недавняя империя плелась своей особой неведомой тропой – снулая страна, разорванный на куски блин, багровый опоясок, так и не обнявший планету властным экватором. А ведь как мечтали, как горевали и горели! Казалось – чуть порасторопнее помахать казачьими сабельками, и угнездились бы на всех шести континентах. Однако не вышло, не стряслось, и, подобно спортсмену, выплеснувшему соревновательный адреналин, держава погрузилась в вязкую дрему. Лежала себе, по-медвежьи обсасывая ког-

тистую лапу, изредка ворочаясь с боку на бок, подавливая при этом наиболее суетливых из соседей. Так, во всяком случае, представлялось Сергею. Очень уж вязко тянулись рабочие дни, очень уж клейко и безнадежно прилипали к административной липучке все их жужжащие инициативы.

Конечно, кое-где в терпких недрах социального варева кипели свои безусловные страсти, но в целом к мерному шагу на месте и сладковатому верховному храпу электорат привыкал до обидного просто. Как привыкал к вездесущему пиву и закадровому смеху, как смирялся с исчезновением здоровой прессы, бесплатной медицины и прежних адекватных названий. Наверное, поэтому окончанию рабочего дня Сергей радовался, словно ученик, слышащий звонок с урока.

Сегодня, незадолго до счастливого гонга, был и другой звонок – от жены. Супруга спешила уведомить, что сама заберет Александру из садика, и попутно напоминала про тазики, которые надо бы купить. Но звонила, конечно, не из-за тазиков – из-за него. А точнее, из-за себя. Верно, зацепил-таки Санечкин сон. Лишний раз хотела убедиться, что муженек жив-здоров. И зря, наверное, звонила. Потому что тазики продавали в магазине, расположенном в стороне от его обычного маршрута. И пришлось сворачивать и переться. Потому что сработало напоминание.

А потом...

Потом было уже поздно.

Фразочка роковая и до пошлости расхожая. Практически

штамп, но штамп, таящий в себе ответ на любые жизненные пертурбации, ничего по сути не меняющий, ничего не пытающийся объяснить. Кто знал, что, отправляясь из Саутхемптона в Нью-Йорк, десятипалубный непотопляемый круизер изберет конечным пунктом одиноко кочующую ледяную глыбу? И подозревал ли великий Че, прилетая в страну своих идеалов, что именно здесь ему суждено с ними расстаться? Вот и Сергей ничего не мог предрешишь заранее. Шагал быстро, почти по-спортивно, привычно ежил-ся от снежных проникающих за шиворот прядей, и этой вонзившейся в сердце иглы никак не ожидал. Было бы понятно, если вдруг поскользнулся, или та же сосулька навернула по голове, но ведь не было этого ничего! Просто вынырнул из-за спины незванный призрак и с силой всадил под левую лопатку тонкий ледяной стилет. Даже охнуть или вскрикнуть не получилось. В глазах Сергея полыхнуло, и, задохнувшись от боли, он кулем – совсем даже не по-киношному полетел под откос.

Сознание его, впрочем, не покинуло. Может, всего-то на пару мгновений метнулось в сторону, мячиком попрыгало вокруг и снова вернулось. Зачем, для чего – неясно. Боль, проникшая в грудную клетку, походила на капкан с взведенными челюстями. Казалось, еще движение – и хватанет стальными зубьями по-настоящему – так, что снова придется куда-нибудь лететь. Хотя и лететь более было некуда. С ас-

фальтовой дорожки, прячущейся от проспекта за серенькой гривкой мелкоколосья, Сергей скатился в подобие овражка. Далее снова начинался небольшой подъем, за которым тянулась еще одна тропка – уже вдоль бетонного, украшенного кружевной колючкой забора. Если по асфальту топали спортсмены да припозднившиеся работники ИТР-сферы, то параллельная тропка предназначалась для бомжей и заводских несунув. В любом случае, людей по этим двум путепроводам перемещалось немного – основная масса давилась в автобусах и троллейбусах, неслась по подземным рельсам пятью этажами ниже и просто катила по запруженным дорогам на своих частных, надежно шипованных колесах. Заметить лежащего внизу Сергея было непросто, а крикнуть или позвать на помощь у него не хватало сил. Острозубый капкан только и ждал момента, чтобы клацнуть повторно – теперь уже наверняка. Даже дышать Сергей старался редко и неслышно, чтобы не злить внедрившегося в грудину клыкастого зверя.

Он лежал на спине, с неудобно подломленной за спину правой рукой, и недоуменным взором царапал низкое небо. Было больно, но еще не было страшно. Вероятно, по той незамысловатой причине, что Сергей так и не осознал случившегося. Сердце? Но почему? Именно сейчас, именно с ним... Небо, большое и мудрое, предпочитало безмолвствовать, бледным безучастным лицом зависнув над ним, не плача и не хмурясь. В голову лезло непрошенное – следя-

щий за облаками Андрей Болконский, кто-то там еще из героев отечественных фильмов. Все они вот так же лежали, гадая на кучевых странниках, как на кофейной гуще. Готовясь уходить вниз, люди смотрели вверх. В сумятице и хитро-сплетении небесных кружев каждый высматривал свое: кто-то – ангелов, указующих путь к сказочному тоннелю, кто-то – черный квадрат художника М, кто-то – туман над океаном, а кто-то – атомную катастрофу. Сергею небо представлялось гигантским иероглифом – переменчивым и созданным явно не людьми, а потому и дешифровке не поддающимся...

Он моргнул, и небо тоже моргнуло. Плащом фокусника свернулось и развернулось. Более ничем на лежащего внизу человека оно не отреагировало.

По слухам, миссионер-францисканец Диего де Ланда был настоящим трудягой. Всю свою жизнь этот энтузиаст посвятил уничтожению храмов, скульптур и фресок народности майя. В городе Мани этот удалой фанат спалил целую библиотеку рукописей, чем крайне гордился. По сути, заносчивый монах умудрился оставить с носом все человечество. Иероглифы майя уцелели практически штучно. Подобно облакам, проживающим свою неведомую для нижнего мира жизнь, многовековая история целого народа так и осталась тайной за семью печатями.

Сергей смотрел вверх и пытался понять, умер он или только собирается это сделать. Сон дочери – тот самый, в ко-

торый они напрочь отказывались верить, жестоким образом воплотился. Разве что небо не слишком походило на небо из давних кинофильмов. Над Сергеем стлыла белесая несвежая пустота – без облаков и туч, без обнадеживающей синевы. Городская невнятная похлебка, нечистое молоко, именуемое коротким и безнадежным словечком «смог». Ватный гигантский ком, которым вселенная затыкала дыры над распухающими ввысь и вширь городами. И все же пустым оно не было. И совершенно бездушным тоже. Потому и впивался он взором в небесную глубину, погружал взгляд точно соломинку в вязкий коктейль, силясь втянуть в себя хоть какую-то крупинку ясности.

Что же с ним приключилось? Внезапная судорога, инсульт, инфаркт? Вероятнее всего – последнее. Это подсказывала логика, а логику Сергей уважал. Сон приснился дочери, но лег в руку ему. Подобно гранате, лишенной чеки. Какое-то время ноша не напоминала о себе, а после взяла и рванула. Сергей же вместо того, чтобы принять контрмеры – купить, к примеру, валидол или какой-нибудь иной спасительный химикат, ничего не сделал. То есть потому и не сделал, что не поверил. Да и кто бы поверил на его месте? Потому что бред и анахронизм. Потому что слова и видения ребенка. В конце концов, потому что просто не ко времени!

Сергей представил себя лежащим в гробу – в ореоле цветов, с венками справа и слева, в окружении людей – и содрогнулся. Страх омыл лицо – словно облизал шершавым

драконьим языком, дохнул удушающей гарью. Сергею стало по-настоящему тошно. Это дыхание и этот смрад невозможно было не узнать. Однажды нечто похожее он ощутил в зоопарке, когда у всех на глазах белый красивый мишка одним шлепком размазал по бетонному полу двух зазевавшихся голубей. И тут же победно взревел, до десен обнажив желтые слюнявые клыки. Что-то тогда хлынуло на них, глазевших со стороны, – некая вполне материальная волна ужаса. Вот и сейчас Сергей почувствовал тот же парализующий смрад.

Захотелось тоненько взвыть, рывком подняться с земли. Да нет же, нет! Пусть инфаркт, пусть какая другая напасть, но только не конец! Даже если лежишь на дне канавы, и у тебя мало-помалу холодеют кончики пальцев, уверовать в финиш всего и вся сложно.

С напряженной улыбкой Сергей предпринял осторожную попытку шевельнуть немеющими пальцами. Совсем чуть-чуть, чтобы не услышал зубастый зверь. Левая рука нехотя подчинилась, за ней откликнулась и правая, однако на движение ног напряженный хищник в грудной клетке тут же откликнулся недобрым перемещением. Укусить – не укусил, но коготками скребнул ближе к сердцу – точно изготавливался ухватить глубже и крепче.

Обиднее всего было то, что никогда прежде Сергей на сердце не жаловался. Конечно, особенно удачливым спортсменом назвать себя он не мог, но все-таки регулярно играл в волейбол, не забывал заглядывать в бассейн, в тре-

нажерный зал. Еще года три назад в жиме лежа ему удавалось вытягивать центнер. Не больше одного раза, однако радость это приносило совершенно мальчишечью. Сто кило – это вам не пудовая гирька! Стало быть, мужик! Да что там – все они пыжились на отягощениях, изображая из себя настоящих атлетов, по-женски пританцовывая перед большими настенными зеркалами, вставая в журнальные позы, напуская на лица дымчатую задумчивость. Но зеркала-то – ладно, не в них дело. Непонятное таилось в том, что не было у него проблем с сердцем. Иногда сдавливало, чуть щемило, но не более того. Ну, а сон... Про сон он и вовсе не мог ничего сказать, как и не мог объяснить произошедшее случайным совпадением. Говорят, дети чувствуют лучше и тоньше взрослых. Кое-кто даже убеждает, что лет до трех они в состоянии видеть потусторонние миры. Бред, конечно. Ну, а если нет? Со взрослыми-то все ясно – этакие животные в броне и доспехах, гиппопотамы и динозавры, а вот у деток кожа тонкая, все равно как у годовалых березок. Может, и Санька что-то такое почувствовала?

Сергей прикрыл веки. Неужели все? Истек срок, поставлена точка? И не озвученное проще озвучить самому: дескать, пора, дорогой, приговор вынесен и обжалованию не подлежит. И время выбрано, и место. А хочешь выкарабкаться – рискни, попробуй. Потому как раньше положенного не найдут, а положенного ждать, судя по всему, недолго. Все-таки зима – не лето и не осень. И пусть февраль месяц самый ко-

роткий, а из студеных собратьев – последний, однако Сергея это отнюдь не спасет. Одной предстоящей ноченьки хватит за глаза.

Есть что-то бесконечно грустное в том, как человек растет и меняется. Словно умирают в нем одно за другим странные и милые существа, опадают лепестки столь разных и фантастических цветов. Какое-то время эти лепестковые тени еще кружат в воздухе, ищут опору, а, не найдя, исчезают. На смену им являются новые волнующе незнакомые личности. Мы слушаем, как малыш едва выговаривает «чай», а вместо «Скорой помощи» тянет напевное «пома». Умилению нет предела, а времени – есть. И вот ему уже пять, и он членораздельно разговаривает, бойко читает по слогам, складывает до сотни и умеет хитрить. Но где же тот двухлетний трогательный ангел, так не похожий на себя пятилетнего – со своим особым характером, с удивительно добрым представлением о мире? Все, что случается с нами во вчерашнем дне, мы неплохо держим в памяти, а вот пятилетние своего двухлетия абсолютно не помнят. Десятилетние забывают себя пятилетних, и так далее, и так далее – словно все происходит где-то в иных жизнях, совершенно с иными «я». Может, так оно в действительности и получается?

Сергей скосил взор. Кто-то хрустко вышагивал по сне-

гу. Точнее по тропке, протоптанной заводскими несунями. Жабо из колючей проволоки, кокетливо оплетающей гнутые шеи фонарей, никого не пугало. Дыры и лазы можно было без труда отыскать через каждые полсотни метров. Кое-где даже красовались кособокие лесенки с истертыми деревянными перекладинами. Когда Серега был молодой, то, работая на полставки на одном из таких заводов, тоже лазил через забор. Не потому, что крал, а потому что так было сподручнее и ближе. Переть полтора кэмэ до вахты, а после с испугом вспоминать, что пропуск остался в другой куртке – не всякому по душе. Вот и лазил, подобно многим и многим. Даже запомнилась одна забавная очередь к дыре, проделанной заботливыми молотобойцами, перед которой в единой колонне перетапывались интеллигентного вида инженеры, работяги в чумазах спецовках и совершенно посторонние типчики явно неза заводской вороватой наружности. При этом все стояли смирнехонько, не толкались, заботливо подсаживая друг дружку под локти. Такое уж странное было время...

– Эй! – слабо позвал Сергей. – Эй!

Мужичок сделал шаг и замер. Чуть повернув невыразительную лобастую голову, мутно принялся рассматривать лежащего под откосом.

– Живой, что ли? – наконец, просипел он.

– Живой, – одними губами откликнулся Сергей. – Сердце вот...

Мужчина оглянулся по сторонам, словно сомневаясь

в чем-то, неуверенными шажочками заскользил вниз. Чуть не упав, буднично чертыхнулся. Остановившись возле Сергея, опустил к ногам выдавшую виды сумку-китайку.

– Как ты тут? Подняться можешь?

Сергей шевельнул левой рукой, проверяя бдительность грудного зверька. Увы, хищник был на месте, тут же куснул отточенными зубками.

– Больно...

Мужчина снова зыркнул по сторонам. Короткий воротник наполовину скрывал его темную физиономию, но блеск глазок, нефтяной, нездоровый, Сергею был знаком. Да и набитая расплюснутыми пивными банками сумка кое о чем говорила.

– Часы есть?

– Есть, – наивно отозвался Сергей.

– Хорошо живешь... – мужичок склонился над ним, вытянул подломленную за спину руку, заботливо расправил. – Ага, туточки они, родные.

Радостно суетясь и даже что-то кудахча себе под нос, он стянул с Сергея часы, переправил в собственный карман. С поиском портмоне провозился чуть дольше. На выуженный носовой платок поглазел некоторое время с непониманием – как ребенок на выкопанную в песочнице микросхему, недоуменно отбросил в сторону. Руки его – грязные, с черными, обкусанными ногтями – дело свое знали. В конце концов, нашелся и кошелек. Заглянув в кожаное нутро,

мужичок удивленно хрюкнул. День для собирателя цветмета явно заканчивался удачно. Значит, можно было быть великодушным. Во всяком случае, лишнего лиходея брать не стал. Банковскую карточку с визитками сунул Сергею обратно в карман.

– Вот и нормалек, паря... – выпрямившись, он осмотрел лежащего уже совершенно по-хозяйски, как освоенный и изученный объект. Сергей догадался, что мужичку понравилась его куртка. Замшевая, почти новая, она выглядела куда интереснее ватника незнакомца. Но чтобы снять куртку, надо было предпринять массу хлопотных действий – справиться с молнией и кнопками, стянуть рукава, перевернуть самого Сергея со спины на живот. На подобные действия мужичок явно не отваживался. А может, помнил пословицу о синице в руках и журавле в небе. Добытые портмоне с часами вполне тянули на добротную синицу, журавль в небе особенно не привлекал. Отказавшись от мысли кантовать упавшего, мужичок подобрал свою побрякивающую сумешку и вновь начал взбираться по откосу.

– Эй! – Сергей напружинил грудь и выдохнул чуть громче: – Ты что творишь! Стой...

Мужичок ускорил копошение. Выбравшись на тропу, быстро зашагал. То ли испугался чего, то ли засовестился. Удача – она ведь пуглива, как голубь, и потому, не оглядываясь, собиратель тары затрусил легкой рысцой, спеша забыть оставленного позади недотепу.

Работа не волк, в лес не сбежит – так и со смертью. Либо мы к ней, либо она к нам. Если, так сказать, припозднимся или заартачимся. Это вам не капризная муза виолончельных обводов, с голосом лигурийской сирены и личиком флорентийской дивы – упрашивать да звать не надо. Один короткий звоночек с вашей стороны, один – от нее, и заявка принята. Даже пойти на попятный уже не получится. И выход единственный: воспроизвести себя в детях. Или на худой конец – в собственном восковом дубле. Та же мадам Тюссо прекрасно понимала, чем следует искушать публику. Оттого и размахнулась, открывая многочисленные салоны. Прозорливая дама не ошиблась: великие мира сего табунами потянулись к искуснице. От королей с генералами да олигархами не было отбою – все рвались в восковое бессмертие, в музейное подобие рая. Их можно было понять. Проиграв жизнь в нарды, в политику и суду, всякий спешит напоследок уцепиться за эфемерное.

Как там повторял славный Таривердиев? Оставь же сына, юность хороня, он встретит солнце завтрашнего дня. У Сергея сын только планировался. И дочку нужно было еще вырастить, замуж отдать. Уйдет от нее папка до срока, и что получится? Одна маета да скверна. Ни богатого наследства, ни даже воскового чучела. Разве что фотографии, хотя что

в них проку... Вот актеров – тех помнить удобно. Есть роли, спектакли, целые фильмы. Иным сериалом и планету можно было окольцевать, да и мемуаров хватало. Вот простых смертных из памяти обычно вычеркивают. Чтобы освободить мегабайты под новые образы, под новую суету.

Сергей вспомнил Колюню Ступина, своего давнего приятеля, в прошлом довольно грамотного инженера, с изюмом в мыслях, но без царя в голове. Ступин умел жить при социализме, но капитализм вкупе со смутным временем его раздавили. Мысли оказались невостребованными, а темперамент, лишенный начальственный узды, понес изобретателя вкривь и вкось. Ступин запил совершенно по-эскимосски, в каких-нибудь пять лет потеряв работу, жену и друзей. Его трехкомнатная квартира легко и просто превратилась в двушку, а после – в крохотную комнатенку. Однако и на этой скромной площади у Коли Ступина вечно кучковались какие-то пришлые бомжики – все, как один, в прошлом мастера спорта, директора предприятий и офицеры сверхсекретных частей. Так, во всяком случае, они представлялись, фантазиями пытаясь расцветить явь. Какое-то время Сергей пытался курить своего бывшего напарника, даже терпеливо выслушивал рассказы его собутыльников, но время стирает все – постепенно стерло оно и Колюню Ступина. Визиты стали реже, а после прекратились и вовсе. Но однажды о Сергее неожиданно вспомнили: подруга Колюни позвонила ему и загадочно нейтральным тоном посо-

ветовала навестить бывшего коллегу. Подробностей от нее Сергей не добился, но, заподозрив неладное, все же выкроил часок и отправился к Николаю.

Дверь оказалась незапертой – ее и запирать-то было не на что, накладной замок брошкой висел на одном-единственном шурупе. Колюню Сергей обнаружил лежащим возле панцирной койки – абсолютно голого, с лужицей рвоты, нимбом окутавшей голову. В комнатке стоял удушающий трупный запах, и трупом этим был, вероятно, сам Колюня. Удивляясь собственному спокойствию, Сергей перевернул тело на спину, оттащил на более чистые (или менее грязные?) половицы. Перемещение дало плоды. Труп приподнял веки и шевельнул губами. Колюня оказался жив. В итоге Сергею пришлось превратиться в медбрата и следовательно. Объясняться приходилось голосом, знаками и прикосновением. Выяснилось, что Ступин отравился – и отравился весьма качественно. Что уж они там пили, теперь было не проверить, но обычным похмельем здесь не пахло. Главная же закавыка заключалась в том, что на предложение вызвать «Скорую» оживший Колюня ответил категорическим отказом. Сиплое мычание сопровождалось умоляющей мимикой и легким шевелением левой руки. Это был выбор – и выбор вполне осознанный. Медики, наверняка, вызвали бы милицию, милиция же обещала массу проблем, а посему Сергей не стал упрашивать и уговаривать. Реакцию врачей, приехавших в этот загаженный курятник,

он и сам себе легко представлял. Да и не повезли бы Колюню лечить. Вкатили бы, согласно наказу Гиппократата, какую-нибудь временную панацею, пожурили бы за обстановку и, оставив на попечении блюстителей правопорядка, укатили бы к более адекватным пациентам. Поэтому Сергей сам взялся отпаивать Колюню молоком с ношпой, а на второй день принес бутылочку пива. Ступинское тело продолжало лежать на том же самом месте, перетаскивать себя Колюня решительно не позволял, и Сергей только накрывал его драной шинелькой, оставленной, вероятно, дезертиром, некогда воспользовавшимся гостеприимством неразборчивого хозяина. Дверь он по-прежнему не запирает, но странное дело – многочисленные друзья и приятели Ступина, словно почуяв недоброе, не показывают носа. Четыре дня Сергей в гордом одиночестве навещал коллегу, поил, кормил, прибирался, а на пятый Ступин вполне самостоятельно переполз на панцирную койку. Само собой, они разговаривали. Трудные монологи Ступина отчасти напоминали исповедь, – Колюня честно готовился отдать концы, клятвенно обещал: если выживет – не пить, не курить и вообще начать новую жизнь. Но еще через несколько дней Сергей застал его в компании раскрасневшихся друзей и понял, что он здесь больше не нужен. словно вернувшиеся на кухню тараканы, друзья Колюни праздновали выздоровление хозяина. На шатком столике перед ними грудились банки консервов, судки с холодцом и купленные неведомо где пузырьки с подозритель-

ной настойкой. Похоже, возвращение в жизнь окончательно завершилось, и Сергей незаметно покинул жилище.

Тем не менее, сделанный Колюней выбор был ему любопытен. И в первом случае, когда приятель отказался от «Скорой», и во втором, когда тот встретил с распростертыми объятиями бывших собутыльников, Колюня был совершенно искренен. Он не врал и не обманывал, всего лишь останавливал вращающийся барабан лотереи, соглашаясь с сиюминутным, не заглядывая в туманную даль на сомнительно долгие сроки. Кто знает, может, за это детское неумение делать прогнозы жизнь его и щадила. А может, наоборот – решала какое-то время помучить.

Случай с Сергеем был совершенно иного рода. Его не мучили и не наказывали, его попросту приговорили. Без объяснения причин, без ничего. Разве что предупредили устами Санечки, хотя зачем и для чего – тоже стоило бы поинтересоваться. Только вот у кого?

Воспоминание о дочке удавкой стянуло горло, заставило прикусить нижнюю губу. Так в пионерлагере отважные акселераты испытывали себя на отвагу, позволяя вафельным полотенцем ненадолго пережимать сонную артерию. Забавы прекратили после того, как толстячок с подходящей фамилией Пухлин (имени никто точно не знал) вдруг стремительно посинел и, упав навзничь, стал колотиться затылком о рыжие половицы. Пухлина с грехом пополам откачали, однако экспериментировать с полотенцем ребятишки с тех пор за-

реклись. Кайф стремительного отлета в космос оказался делом рисковым. Самые отвязные откровенно злились на дохлого Пухлина, более осторожные были в душе ему признательны.

Ни одной молитвы Сергей наизусть не помнил. Собственно, никогда и не пытался выучить. Беседовать с Богом можно было проще. Так ему, во всяком случае, представлялось. Если человечество разговаривает на тысяче с лишним языков и диалектов, значит, дело не в языке, а в интонациях, в искренности и неискренности сказанного. Ну, а насчет существования Бога Сергей и вовсе никогда не спорил. Практицизм потомственного технаря давным-давно расставил все по своим подписанным полочкам: желаешь существования Бога, значит, он есть, не желаешь – значит, его нет. По крайней мере – для тебя. Вопрос же слепой веры рациональным разумом не ставился в принципе. Не потому что хороший ты человек или плохой, а потому что категории «думать» и «верить» абсолютно параллельны. Только чудо сплетает их в нечаянный узел, но и этот узел, становясь фактом, попросту превращая неверие в знание. Не больше и не меньше. Чудес же и сказочных откровений в жизни Сергея, как это ни прискорбно, не наблюдалось, во всяком случае – в своих явных проявлениях. Хотя уверовать в вечное, конечно, вре-

менами хотелось, только вот как? Этого он не знал.

Собственно, в теории смерть представлялась не страшной. Еще одна командировка в неведомое, только и всего. Другое дело – оставлять дочку с женой. Вот кому будет по-настоящему тяжело и муторно! Друзья – ладно, выпьют и переживут, приятели – тем более, но маленькую Санечку было жалко до слез. Детям таких сюрпризов лучше не преподносить. Даже он, взрослый и забуревший, практически слег, узнав о смерти отца. Точно кто подошел и дал по-носорожьки жестко под дых. Так и осел – там же в прихожей возле телефона, кусая губы, не имея сил подняться. А когда, наконец, встал, наоборот уже не мог остановиться. Словно кто кипятком окатил. В одну минуту осиротевший, Сергей метался по комнатам, бессмысленно трогал и ронял случайные вещи, глазами цеплялся за что-нибудь прочное, еще с того, час назад абсолютно счастливого времени. Но между тем часом и этим уже пролегла вселенская трещина. Совсем даже неширокая – вроде тех крымских разломов, которые, попривыкнув, они, юные студенты, перешагивали, не задумываясь. Вот и с ним произошло похожее. Еще шагом раньше ноги ощущали твердую почву, все были живы, здоровы и счастливы, но на противоположном краешке-берегу ситуация коренным образом изменилась. Шагнули все, кроме одного сорвавшегося в трещину. И на новом фундаменте, не менее прочном, чем тот, оставшийся в прошлом, ноги уже держали Сергея совершенно иначе. Казалось, его самого стало мень-

ше. На какую-то весьма существенную часть. Он это чувствовал почти физически. Как если бы взяли и ампутировали одну из конечностей. Все было на первый взгляд по-прежнему и на месте, и все-таки мир дал трещину – ту самую, которую не удалось переступить отцу.

Уже потом обнаружилось, что нигде нет ключей, которые всегда лежали у отца во внутреннем кармане. Не нашли их ни там, где он упал, потеряв сознание, ни в сумке, ни в каком-либо ином месте. Любимые «командирские» часы по-прежнему тикали на окаменевшей руке, покоилась в кожаном футляре золоченая, подаренная на последнем юбилее ручка, а вот ключи пропали. И так же бесследно исчез его последний диплом. Не юбилейный, а за инженерные заслуги, за новации, о которых Сергей имел весьма смутное представление. Всевозможных грамот у отца набиралось, как карт в колоде, но этот, в малахитовой окантовке, с голографическими вензелями, отцу особенно нравился. Может, оттого, что был последним – предпенсионным. Именно его отец не постеснялся повесить на стену. Так и красовался диплом несколько лет, пока отца не стало. А после смерти куда-то пропал. Как и ключи от квартиры.

Тогда-то один из знакомых, нервно и стеснительно улыбаясь, поведал Сергею теорию о соприкасающихся вселенных, о зонах силы, где происходят перемещения из жизни в жизнь, из мира в мир. Потому что последних еще больше, чем грамот, – в сущности, бессчетное количество. И вовсе

они даже не параллельные, а просто вложены друг в дружку, как стопка пластиковых стаканчиков, как деревянные матрешки. Само собой, есть масса точек, где означенные жизни спутываются, пересекаются и вновь расходятся. В этих-то критических точках люди и могут меняться местами. Кто-то, споткнувшись, убегает в соседнюю параллель, ну а его двойник рассеянно делает шаг и занимает освободившееся место. Впрочем, бывает, и не занимает по тем или иным причинам. Не хватает духу шагнуть, а то и делает внезапный поворот. А случается и так, что шагает весь мир, а он единственный остается недвижимым, оставив при себе какую-нибудь любимую мелочь. Словом, обо всем этом знакомый узнал из какой-то телепередачи, которую честно и пересказал Сергею. При этом не забыл осторожно покритиковать концепцию, хотя и предположил, что нет дыма без огня, и какая-то толика всех этих сказочных нагромождений, возможно, является правдой. С ним, во всяком случае, однажды такое приключилось. Ехал в троллейбусе с кошельком, а вышел без кошелька. Мистика? По его словам – да. Потому как за карманами своими знакомый следил крайне бдительно.

Странную теорию Сергей выслушал с недоверчивой улыбкой, однако что-то такое в душе все же шевельнулось. Наверное, хотелось поверить не столько в многомерную сказку, сколько в то, что отец по-прежнему живет где-то там, в неведомой близи, привычно перебирая любимые книжки, смешливо хмурясь из-под очков, читая вслух понравившие-

сы рассказы. И ключи, понятно, все так же при нем – на брелке с миниатюрным фонариком, в замшевой пещерке кармана. И семья, и квартира, и сад – все абсолютно схоже – за одним-единственным крохотным исключением. Не хватает командирских часов, потерянных где-то по рассеянности, и нет подаренной на пятидесятилетие золоченой ручки. Все это осталось *здесь*, а отец ушел *туда*. Миры поменялись местами, и тот, кто командовал рокировкой, конечно же, не мог уследить за всеми мелочами. Тихо и буднично, как это происходит с каждым из нас, мы пересекаем загадочные меридианы и, сами того не ведая, умираем за жизнь не раз и не два. Что-то забываем и теряем, а на самом деле перемещаемся туда, где этого забытого нет и в помине, и все наши новые друзья тоже, вероятно, проявляются в иных параллельных кочевьях. Калитки меж мирами, как объяснял приятель, совершенно не изучены. Да и кто возьмется их изучать, если имеется риск уйти и не вернуться...

– Да сейчас! Говорю же, быстро обернусь... – неподалеку от Сергея вниз сбежал кожаный человечек. Куртка, лоснящиеся штаны, кепка. Все чистенькое, не по погоде – такие выскакивают обычно из теплых, содрогающихся от ударника иномарок.

– Человек! Товарищ... – Сергей неожиданно смутился, не зная, какое обращение выбрать. Господа вроде как не вызрели, товарищи – устарели... Но не звать же мужчиной, как в магазине...

Обладатель кожаных штанов остановился шагах в десяти, пару раз нетерпеливо притопнув, пустил струю, радостно матюкнулся. Поливая снег, обернулся на Сергея, глянул, точно на пустое место.

– Скорую... Пожалуйста! – голос Сергея совсем сдал. Он и сам себя едва слышал. Какое-то змеиное шипение, не голос...

– Не понял! Что ты сказал?

– Скорую... – повторил чуть громче Сергей и даже приподнял руку.

– Да ты гонишь! Каких пять кубов! Ты с дуба рухнул!.. – опорожнив мочевой пузырь, мужчина поправил пластиковую кривулину на правом ухе, и только теперь до Сергея дошло, что мужчина отвечает не ему, а невидимому собеседнику. Блутуз, уже и не новинка в телефонных технологиях, практически – вчерашний день. Можешь болтать, не отрывая рук от руля, или помочиться у дороги... Сергей подумал, что сейчас ему подобная игрушка могла бы очень пригодиться. Все сегодня бегают с мобильными телефонами. А он вот не любил. Сотовый не просто раздражал, – отвлекал от работы. Глядя на девушек с приклеенными к ладоням телефонами, Сергей не понимал, отчего еще не поставлен где-нибудь памятник сотовому аппарату. Та же женщина, только не с веслом, а с телефоном. Что любопытно, мир не стал разговаривать грамотнее и лучше, не изменилось ровным счетом ничего.

– Эй, товарищ!..

Но «товарищ» уже уходил. Застегнул все, что положено, и сноровисто поднимался по откосу. В такт его быстрым шагам в голове громче и громче застучал зловещий маятник. Сергея мужчина, конечно, заметил, но разговор был важнее. Опять же машина, оставленная на дороге. Не кожаная, но тоже дорогая...

Сергей почти не удивился. Люди молились иным богам, и цена человеческой жизни, едва пузырившаяся в прошлом веке, теперь обратилась в плевок на водной поверхности. Многопиксельное и объемное, телевидение не просто примирило со смертью, оно научило получать щекотливое удовольствие от фильмов ужасов и фильмов-катастроф. Уже и «террористы» с «маньяками» перекочевали в анекдоты и шутки. А то ли еще будет! Интернет пока только собирался с силами, готовясь продемонстрировать всю свою разрушительную мощь. Человечество же продолжало восторженно отбивать ладоши в аплодисментах прогрессу...

Сергей сухо сглотнул. Подчиняясь плеточным ударам метронома, страх удавом переполз выше, явно примеряясь, не стиснуть ли кольца окончательно. Веки Сергея затворили небо, но так стало еще хуже. Господи, ну, почему именно он – и именно сейчас? Ну, лет бы семь-десять еще! Неужели так сложно? Не для себя ведь – для семьи. Хоть что-то успеть!

Ему показалось, наверху выстукивают каблучки. Сергей

с натугой приподнял голову.

– Пожалуйста... – голос все-таки пробил сипловатую наледь, сгустком пара вырвался наружу. Сергей ждал реакции кусачего зверя, но зверь тоже замерз. А может, задремал, так и не сомкнув до конца челюстей.

– Помогите!

Конечно, это было женщина. Прошла мимо, остановилась, вернулась назад.

– Послушайте! – снова позвал Сергей. – Я здесь... Внизу...

Снова цокнули каблучки – на этот раз ближе. Теперь он сумел рассмотреть ее. Она стояла, вглядываясь в смуглеющий склон, пытаясь понять, кто ее звал, и зачем она вообще здесь остановилась.

– Вам плохо? – недоверчиво поинтересовалась она, и ее недоверие он тоже понял и простил. Сергей и сам в прошлом не один десяток раз натыкался на лежащих. Одного ветерана стаскивал с трамвайных рельсов, другого выволакивал из мусорной тумбы, даже милиционера как-то находил – помог выбраться из подвального пыльного лаза. Ни инфарктом, ни инсультом там не пахло. А пахло откровенной мочой и сивухой. Женщина, что стояла на дорожке, тоже была вправе ожидать чего-то подобного.

– Я не пьян! – выдохнул Сергей. – Что-то с сердцем...

– А лекарства? Лекарства у вас есть?

– Ничего.... – Сергей снова откинулся на снег. Зверек

в груди сонно шевельнулся, вслепую скребнул коготками.

– Слушайте, я сейчас спешу, но я вызову «Скорую», хорошо?

Сергей вздохнул, и, приняв вздох за согласие, женщина извлекла сотовый телефон, стала торопливо вызванивать «Скорую». Сергей устало прикрыл глаза. Ну вот... Первый нормальный человек. Добрый и отзывчивый. Может, потому что женщина. Им спасать мир, не мужчинам. Приедет «Скорая», и все решится само собой.

– Вы меня слышите? – женщина чуть нагнулась, хотя говорила почему-то приглушенно, точно чего-то стеснялась. – Я только что позвонила им, сказала про вас. Они обещали приехать.

– Спасибо... – шепнул Сергей.

Выпрямившись, женщина покрутила головой, снова неловко склонилась, руками для удобства подперла колени.

– Тогда я побежала, хорошо? Я бы постояла, но мне правда некогда. Вот-вот магазин закроют, а дома ни крошки, муж будет ругаться...

Конечно, она могла идти. Сергей и не думал возражать. Добрый человек сделал свое доброе дело, и он был ей по-настоящему благодарен.

Скучная истина, но с годами дружить становится слож-

нее. Друзья детства так и остаются единственными, но хуже всего, что и эту последнюю гвардию потихоньку размывает, разносит в стороны переменчивыми ветрами, а порой утягивает к таким пугающим горизонтам, что проще вычеркнуть и забыть. Таково свойство течений и ручьев – способствовать расставанию случайно столкнувшихся песчинок и щепочек.

Сергей припомнил своих первых маленьких друзей – Толика Сусеткина и Вовку Стофеева. Вот уж дружили, так дружили! Водой было не разлить, и всегда стояли друг за дружку – все равно как три былинных богатыря. На продленках и переменках воевали со старшеклассниками, ходили друг к дружке в гости, обменивались марками и самыми сокровенными тайнами. Но уже в пятом классе Вовка переехал в другой район и другую школу, а Толик без Вовки как-то враз стал немного чужим, забросил марки и увлекся пластинками. Когда Сергей пошел записываться в секцию волейбола, Толик признался, что волейбол ему неинтересен. Но это было только началом, и уже через год ребята тусовались абсолютно в разных компаниях. Так вот буднично все и случилось – без вражды и предательства. От футбола и шептанных игр в разведчиков Толик убрел к фарцующим меломанам, Сергей же неожиданно для себя сошелся с Гошей Веточкиным, всегда аккуратным, с иголочки одетым отличником. Они дружили два года, а потом неожиданно выяснилось, что каждый успевает дружить где-то на стороне. Че-

го-то не хватало их дуэту – некоей цементирующей крепости, и каждый обзавелся дополнительным дружкой-приятелем. Так в жизни Сергея появился тихий и безответный Антоша, вечно лохматый и непутевый, которого постоянно приходилось от кого-нибудь защищать. А Гоша, напротив, сошелся с могучим и круглоголовым забиякой Славой. Когда однажды Слава попытался прижать хилого Антошу к грязному полу, Сергей ударил его ведром и вцепился в волосы. В бой ввязался Гоша – разумеется, на стороне Славика. Дружбе наступил окончательный кирдык... Сергей не думал обижаться, однако где-то на периферии сознания все-таки продолжал недоумевать. Потому что течения продолжали свою порочную работу – дружить прочно и до гробовой доски решительно не получалось. Друзья менялись, словно стеклышки в калейдоскопе, и даже студенчество с армией не принесли желаемых перемен. То есть в армии эйфория ненадолго вернулась. Казалось, что вот наконец-то появились друзья навек – до стертых подковок и последнего булька в солдатских фляжках. Но кончилась служба, и, сняв погоны с аксельбантами, упрятав дембельские альбомы на далекие полки, бывшие однополчане превратились в штатских и совершенно не похожих друг на друга людей. Солдатское объединяющее сукно шинелек было отдано на откуп гражданской моли, и снова пугающе открылось, насколько все они разные. Кто-то увлеченно нырял в бизнес или становился бандитом, другие возвращались в институты, шли в частные фирмы

и на заводы. Жизни было плевать, кто и к кому испытывал симпатии, кто и кого защищал, с кем делился последним, – течения вновь сажали людей на мель, уносили в открытое море, выбрасывали на скалистые берега.

Пару лет назад тропка Сергея случайно пересеклась с шоссейной магистралью Вовки Стофеева – того самого, из начальных и главных «дружбанов». Но друг детства уже прочно сидел в депутатском кресле, был на «ты» с губернатором и на напольных весах тянул вдвое больше Сергея. И ведь как-то еще узнали друг дружку, даже посидели за чашечкой кофе, но слов подходящих не нашел ни то, ни другой. Конечно, обменялись адресами-телефонами, договорились созваниваться и встречаться, но, уходя от Стофеева, Сергей точно знал: ни звонков, ни встреч более не будет. Океанические волны и сила выветривания успели поработать и здесь: бывшие закадычные дружки превратились в совершенно чужих людей. Мельничное колесо жизни крутилось безостановочно, перемалывая в серенькую муку все их смешные цели и желания. Даже то обстоятельство, что у женщин по части дружбы все обстояло куда плачевнее, не очень-то утешало. И давно уже Сергей смирился с тем, что сблизить людей может только реальное дело. Даже любовь – большая и светлая – со временем превращалась в привычку, семья становилась второй профессией – делом совместного выживания, делом взращивания детей.

Вновь вспомнив про Санечку, Сергей до боли прикусил

нижнюю губу. И в этот момент наверху послышалось гудение двигателя. Повернув голову, Сергей разглядел горбатую тень «Скорой». Въехавшая на тротуар машина медленно проползла мимо, не пытаясь остановиться, скрылась за чахлым редколесьем. Сергей запоздало встрепенулся. Ну да, об этом следовало подумать заранее! Не будут же они шарить по всем кюветам. Наверное, решили, что пациент лежит себе полевивает на обочине и смирно ждет обещанной помощи. Приехали-то и впрямь быстро, но еще быстрее теперь уедут...

Какое-то время он напряженно прислушивался, надеясь уловить гул возвращающегося мотора, но «Скорая» не вернулась. Наверное, еще и выругали звонившую дамочку. Хлопот у ребяток без того выше крыши, а тут ложный вызов.

Невидимый зверь в груди торжествующе ворохнулся, клыками пожевал обнаженные сосуды. В голос простонав, Сергей прикрыл глаза. Теперь ему стало по-настоящему жутко. Вот и не верь после этого в вещие сны. Он ведь не поверил. А почему? Потому что, подобно многим, продолжал играть в атеизм? А атеист ли он? Есть ли в мире хоть один настоящий атеист? Все ведь они зыбко и мутно во что-нибудь верили – в призраков, в науку, в судьбу, в ядерное оружие, в собственные воровские наколки... Сергей сжал пальцы, сгребая случайный снег, медлительно поднес ко рту.

В памяти всплыл рассказ знакомого хирурга о том, как спасать порой не получается, как самим врачам становилось худо, когда вмешиваются в неположенное. По словам рас-

сказчика, большинство медиков в итоге превращаются в законченных мистиков. Кому-то для этого хватает года, кому-то требуются десятилетия, но все так или иначе приходят к мысли, что судьба или нечто, ее подменяющее, в самом деле, управляет жизненным стартом и финишем. У благополучных красивых людей рождались детишки с многочисленными пороками, у прожженных алкашей – вырастали удивительно здоровые отпрыски. И умирали все очень по-разному, в точности исполняя составленный кем-то неизвестным загадочный график. Крепкие, берегущие себя люди в одночасье сгорали от штормовых болезней, румяные да мускулистые спортсмены бились на машинах, богатые да именитые вдруг подхватывали нечто совершенно неизлечимое. При этом великовозрастные озорники из бородатых анекдотов, дымя табакком и злоупотребляя спиртным, похаживая направо и бегая налево, безо всяких стволовых вливаний, умудрялись справлять юбилеи прямо-таки в неприличные годы. Никакие очевидные правила не соблюдались, любые закономерности рушились карточными домишками. Неизменным оставалось одно: все сопричастные в той или иной степени ощущали на своих плечах железную длань Иного. В качестве примера хирург поведал свеженькую историю, когда двадцатилетняя абсолютно здоровая девушка умерла, едва забеременев. То есть даже не враз умерла, а умирала долго и непонятно от чего. Всякий раз ее откачивали, приводили в сознание, ставили на ноги, и что-нибудь снова случа-

лось: открывалось внезапное кровотечение, отказывали почки, выскакивал неожиданный тромб, а светило-хирург, поднятый с постели и спешащий в очередной раз на выручку злополучной пациентке, попал в дорожную аварию.

– Понимаешь, может, это новый Геббельс в ней вызревал! Или наоборот – какой-нибудь преждевременный святой. Ну, не положено было ей родить, и все тут. Три клинических смерти! Три! – приятель топырил крепкие хирургические пальцы. – Между тем, анализы были тип-топ, и плод без каких-либо отклонений, сердце отменное, анализы – блеск, словом, все как положено, а она взяла и погибла. Без объяснений и причин. Можешь мне не верить, но когда ее вскрыли, вообще ничего не нашли. Ни бляшек холестериновых, ни разрывов, ни гематом! Вроде как надоело ей с нами играть в кошки-мышки – взяла и откинулась. Клавишу «Escape» знаешь? Вот она ее и нажала. Это я не о девушке – о Судьбе...

В жутковатый рассказ хирурга Сергей, помнится, незадумчиво поверил. Может, потому и поверил, что незадумчиво. Все равно как ребенок, в любую минуту готовый принять за правду волнующие страшилки и пугающие сны.

Истории – историями, но по-настоящему в мистическую подоплеку смертей и оживлений Сергей уверовал только

сейчас. И одна за другой стали припоминаться всевозможные были-небылицы, связанные не с кем-то посторонним, а с ним, точно входила в Сергея некая пулеметная лента, подставляя под боек памяти очередные, гулко выстреливающие события.

Вспомнился случай из раннего детства, когда он начинал спичечными головками самодельный пугач. Щелкал подтянутый докторской резиной курок, а выстрела все никак не получалось. Маленький Сережа терпеливо брал новую спичку, скovyривал с головки бертолетову соль, прибавлял заряд, полагая, что «пороха» для полноценного «бабах» еще недостаточно. Когда же, наконец, жажнуло, он попросту опрокинулся на спину и какое-то время лежал неподвижно. В ушах звенело, перед глазами виляли хвостиками мириады серебристых мальков. Пугач – тяжеленную гнутую трубу из бронзы – должно быть, разорвало в куски, однако ни единой царапины на себе маленький Сережа тогда не обнаружил. Как не обнаружил и следов пугача. Только сейчас до него дошло: царапин и не могло быть, потому что была мгновенная и легкая смерть. А он, сорванец и шалун, кузнечиком перепрыгнул в иную жизнь, оставив за собой опаленное взрывом тельце, безутешных родителей и изуродованный горе-пугач.

Был и другой эпизод, когда на Кавказе в студенческой компании он крепко отравился томатами. Почувствовав наваливающуюся дурноту, побрел к морю освежиться,

но до берега так и не дотянул. Переходя железнодорожную ветку, споткнулся о рельсину, упал и потерял сознание. Сколько Сергей там провалялся, сказать было сложно. Очнулся он от того, что начал захлебываться собственной рвотой. И тогда же с ужасом обнаружил, что лежит на рельсах. При этом металл вибрировал и гудел – издали стремительно набегала электричка. Перекатившись через гигантскую стальную струну, он кое-как утер рот и лицо, а когда мимо с грохотом понеслись пассажирские вагоны, тускло припомнил, что интервал между поездами здесь всего ничего. По ветке, соединяющей Туапсе с Адлером, составы пролетали в обоих направлениях с паузой в пять-семь минут. То есть тогда он подумал, что очнулся вовремя, теперь же подозревал, что дело обстояло совершенно иначе. Наверняка его заметили, конечно же, включили экстренное торможение, но состав – это вам не «Жигули», и положенные двести-триста метров тяжелые вагоны проскользили и проскрипели. Разумеется, был удар выдвинутого вперед поездного забрала, после чего массивные колеса успели намотать на себя человеческую плоть. Может, и хорошо, что всего этого он уже не помнил. Память послесмертия истаяла там же – в покорно оставленной за кормой жизни...

Сергей тихо плакал. Потому что умирал. Плакал от собственной неподвижности, от бессилия что-либо изменить, от неукротимо обволакивающего холода. В голове же продолжал настукивать незримый метроном – торопливо, вторя

екающему сердцу. Маятник, точно ложка, взмешивал мысли умирающего, с Санечки заставляя перетекать в вечное, а после возвращая по кругу назад. А может, это сами мысли, поплутав в космосе и заслышав плач оставленного хозяина, жалостливо решали вернуться.

Горше нет детского плача, однако, случается, что и ему радуются. Скажем, при тех же родах... Или вот был случай у знакомых Сергея – во время давних бомбежек в блокадном Ленинграде. Месячного ребенка родители прятали в огромный валенок и уносили в убежище. Один раз под вой сирен схватили впопыхах не тот валенок, а отсутствие младенца обнаружили только в подвале. Бомбежка оказалась на редкость затяжной – родители чуть с ума не сошли от страха. В нетерпении топтались у выхода, упрашивая часовых выпустить под открытое небо. Солдатики проявили твердость – продержали несчастных до отбоя воздушной тревоги. Возвращаясь позже через груды битого кирпича, карабкаясь по руинам, родители ребенка многое успели передумать. Третью здания, в котором они жили, оказалась разрушенной, и на родной этаж они поднимались, точно инвалиды, держась за перила и стены. Еще не войдя в квартиру, услышали надрывный детский плач, который показался им слаще любой музыки.

Сергею собственный приглушенный плач музыкой не казался. Лежа на спине, плакать неудобно – слезы растекались в стороны, сползали по вискам, начинали жить своей обособ-

ленной жизнью. Сергей чувствовал их, как насекомых, разбегающихся по коже, и почему-то даже завидовал им. Хорошо хоть настукивающий в голове метроном поубавил ритм. Отсчитываемые секунды, приникнув к земле, поползли медленнее...

– Боже мой! Они что, не приехали?

Он судорожно вздохнул. Кое-как переместив руку, утер глаза. Ну да, это снова была она – женщина, что звонила в службу «Скорой помощи». На этот раз она, не колеблясь, спустилась к нему по откосу. При этом пару раз поскользнулась на неустойчивых шпильках, едва не упала.

– Как же так! – расстроено вопрошала она. – Они ведь сказали, что приедут – и не приехали. Разве так можно?

Сергей шевельнул рукой, пытаясь ответить, но из горла вырвался лишь невразумительный сип. Пришлось прокашляться.

– Они приезжали, – прохрипел он. – Но я же тут, внизу...

– Не заметили? – ахнула женщина. И по-мужски выразительно выругалась. Тут же присела рядом на корточки, руки ее проворно зашуршали в сумочке.

– Я вот тут купила – валидол, нитросорбит, панангин. У свекра тоже сердце пошаливает, ну и решила на всякий случай... Вам-то что дать?

– Я... Даже не знаю, – Сергей растерялся и снова осторожно кашлянул. Женщина оказалась ненамного моложе его, и ему стало вдруг стыдно, что приходится вот так лежать пе-

ред ней, заставляя тратить свое время, без нужды суетиться.

– Только не шевелитесь! Вам нельзя... – она выщелкнула из блистеров несколько таблеток, на ладони протянула Сергею. – Давайте все разом попробуем. Откройте-ка рот. Вот так... Но не глотайте, – под язык.

Сергей послушался. Рот тут же наполнился мятной горечью, но подумалось, что и зверь с его челюстями тоже должен подавиться этой несъедобщиной. Кажется, уже и пошел кашлять да перхать. Во всяком случае, трухнул. Все равно как волк, испуганный приближением человека. Между тем, женщина продолжала что-то говорить, и зверь беззвучно скалил челюсти, нехотя пятился шаг за шагом.

– По-моему, стало легче...

– Все равно не двигайтесь!

– Да нет, правда, гораздо лучше. Спасибо вашим таблеткам, – Сергей осторожно сел, прислушался к себе. Сердце тикало совсем неслышно – точно ручные часики, но боль действительно ушла. Или затаилась?

– Сейчас вызовем «Скорую»... – женщина вновь потянулась к сумочке за телефоном.

– Не надо, – Сергей представил, как те же врачи по второму разу приезжают на то же место и здесь обнаруживают его – вполне функционирующего, даже не обмороженного, с заплаканным лицом и выпачканной спиной. Ну, скажет он им про сердце, может быть, снимут кардиограмму, дальше-то что? Отсыплют в пригоршне тех же таблеток? Поста-

вят капельницу? А если кардиограмма вовсе ничего не покажет? Бывает же такое! Возьмут и выставят его идиотом-симулянтом. Еще и женщине достанется...

– Не надо «Скорой», – повторил Сергей. – Я тут... Неподалеку живу, как-нибудь доберусь.

– А если что-нибудь серьезное?

– Все серьезное лучше лечить дома, – он заставил себя улыбнуться. – Мне бы только на дорогу выбраться.

– Ну, смотрите... – в сомнении протянула она. – Если вдруг что, сразу говорите.

– Обязательно скажу.

Удивительно, но зверек в груди окончательно присмирел. Чего больше он напугался – таблеток или присутствия неожиданной свидетельницы, оставалось только гадать. И все же Сергей не дразнил зверя – двигался мелким шагом ветхого старичка, старался не делать резких движений. Со стороны он, верно, походил на раненного бойца, которого выводила в тыл самоотверженная медсестра. Уже через минуту с помощью женщины он выбрался на асфальтовую дорожку.

– Ну вот, полдела сделано. Спасибо вам огромное, – только теперь он рассмотрел свою спасительницу. Темный пуховичок, сапоги на шпильках, серая вязаная шляпка, личико – все было обычным. Все, кроме глаз. Сергей даже обрадовался, что может чем-то отплатить спасительнице.

– У вас замечательные глаза. Прямо какое-то малахито-

во-изумрудное чудо.

– Знаю, – она улыбнулась, – все так говорят.

– И нос красивый.

– Вот тут вы врете. Нос страшенький. Длинный, как у итальянцев, а в старости еще и загнется крючком.

– Ну, уж нет, – Сергей протестующе качнул головой. – Вы просто ничего не понимаете в женской красоте.

– А вы понимаете?

– Конечно, я ведь мужчина.

– И что с того?

– А то, что мужчины всю жизнь рассматривают женщин. Рассматривают и любят. Вот вы – сумеете назвать хоть одного художника женщину?

– А вот и сумею. Надя Рушева!

– О-о! Могу только поздравить. Не всякий назовет... – Сергей споткнулся, припомнив, что юная художница тоже умерла от внезапного кровоизлияния в мозг. Всего-то в семнадцать лет, сумев оставить после себя тысячи работ. Ему даже головой захотелось тряхнуть, чтобы избавиться еще от одной параллели. Он невольно забормотал себе под нос.

– Что вы сказали? – женщина встревожилась. – Вам опять плохо?

– Нет, но... – он неуверенно качнул плечами. – Еще несколько минут назад боялся пошевелиться, а теперь прямо как рукой сняло. И все благодаря вам.

– Лучше бы все-таки вызвать «Скорую».

– Не надо. Приедут, обнаружат ожившего пациента и вас же обругают... А про Надю Рушеву я хотел сказать, что это доброе исключение. В последнее время художниц стало больше, и все равно...

– Так вы сторонник половой дискриминации?

– Да нет же, это нормальная биология. Мы вас рассматриваем, вы к нам прислушиваетесь.

– Ага, прислушиваемся и обманываем.

– В каком смысле?

– В прямом, – женщина усмешливо вздохнула. – И глаза изумрудные вы обязательно увидите еще много-много раз.

– То есть?

– Линзы, – пояснила она. – Цветные и не самые дешевые.

– Вы могли бы в этом не признаваться.

– А не надо было говорить про нос! – она снова взяла его под руку. – Ладно... Давайте, что ли, провожу вас.

– Я могу сам.

– Догадываюсь. Очень уж говорливы стали.

– Нет, в самом деле! – Сергей попробовал артачиться. – Буду тихонько перебирать ногами и дойду. Без того вам доставил хлопот...

– Какие там хлопоты! Я ведь и о себе беспокоюсь. Оставлю вас тут и буду потом всю ночь ворочаться – дошли, не дошли... Вот вы бы меня бросили на дороге?

– Я – другое дело!

– Вот-вот, я и говорю – дискриминация. Пойдемте уж, со-

всем темно стало.

Сергей оказался прав: с ним ничего не случилось. Они дошли, и у подъезда он простился с женщиной. Глядя ей вслед, запоздало подумал, что они даже не познакомились. Так и улететь ей в неведомое – добрым и безымянным ангелом. Ведь не случись этому ангелу вернуться, лежать бы Сергею под откосом и поныне. А теперь он жив, и таблетки свое дело сделали. Сердце образумилось – никакого зверя с челюстями, взведенными в боевое положение, Сергей больше не чувствовал. Более того, тело и мускулы напряженно зудели – точно засиделся и залежался на холоде. Наверное, ощущения были обманчивыми, но, как в детстве после глубокого сна, Сергею хотелось выгнуться дугой, бешено поворачивать руками, что есть силы притопнуть ногой. Впрочем, возможно, таким образом сказывался перенесенный озноб.

Поднявшись на лифте, Сергей уверенно отомкнул дверь и проник в родные апартаменты. На пороге вдохнул теплый воздух, какое-то время постоял, не зажигая света. В сумерках прихожая казалась несколько иной – словно зашел не к себе, а к кому-то в гости. Все было одновременно знакомо и незнакомо: висящая в навал одежда, низенькая, челюстью выдвинутая вперед обувная полка, зеркало с пиявочными завитушками на глазах. А еще... Еще было некое туман-

ное марево. То справа, то слева, как бывает со зрением после утомительного рабочего дня. Стоило Сергею повернуть голову, и марево ускользало, однако продолжало угадываться где-то на периферии зрения, на самой краешке озябшего окоема...

– Чего ты здесь в потемках-то? – в прихожую заглянула Настена, его жена, под потолком вспыхнул плафон. – Ой! А где пальто испачкал?

– Пальто? – он озадаченно осмотрел себя, даже ладонями огладил бока, точно проверял сказанное женой.

– Ну да, вот же! Со спины и здесь... Хорошо, хоть кожа, оттереть можно. Ладно, давай ополосну...

Позволив себя раздеть, он прошел в гостиную. Марево вновь напомнило о себе – облачностью сгустилось возле окна, перепрыгнуло на фотографии в рамочках. Сергей ладонями энергично растер лицо, и облако нехотя исчезло. Оглядевшись, он вспомнил, что похожие ощущения возникали у него тотчас по возвращению из длительных командировок, когда после череды гостиничных номеров, офисов и цехов собственная квартирка казалась крохотной и непривычной.

Супруга вынесла почищенное пальто, повесила на плечики.

– А Санька где? – негромко поинтересовался Сергей.

– Так спит уже. Набегался за день.

Он кивнул. В памяти забрезжила мысль о пальто. Словно стайка муравьев заползла под рубаху. Где же он так испач-

кался? На остановке? Или окатил мимоезжий лихач?

Сергей покачал головой – на этот раз недовольно. Что-то определенно ему не давалось – какая-то ускользающая верткой рыбиной мысль. Он вроде и хлопал ладонями, силясь поймать убежавшее, но ловил только воздух.

Подойдя к трюмо, Сергей рассеянно пригладил на голове волосы. И даже не пригладил, а точно проверял – на месте ли. Но прическа, глаза, подбородок – все было, как всегда. Сергей поежился. Это напоминало игру в прятки, точнее, даже не он играл, а с ним играли. И некий тревожный звоночек в груди продолжал легонько позванивать. Что-то было не так, но что именно, он никак не мог сообразить.

Сергей осторожно приоткрыл дверь в детскую, шагнул в полумрак. Санька действительно спал. Как обычно, одеяльце было сбито на самый краешек, ноги упирались в стену с развернутой во всю ширь картой мира. Сергей подошел ближе, поправил одеяло, протянул руку, чтобы погасить ночничок, но почему-то помедлил. Звоночек в груди вновь отчетливо тренькнул.

Что же с ним все-таки стряслось?..

Разволновавшись, Сергей присел возле сына, коснулся свесившейся руки, осторожно повернул. На запястье красовалась прорисованная фломастером надпись: «Пират Саня». И тут же рисунок с черепом и костями. Ну и что? Излюбленная тема всех детей – пиратство и татуировки. Волосенки на лбу всклокочены, нос чуть присвистывает, яркая царапи-

на на щеке подтверждает незрешность прожитого дня. Ноги тощие, коленки – смешные, почти девчоночьи, и все равно воспитатели твердят, что симпатичный. В садике сдачу научился сдавать, друзей уже больше, чем врагов. Правда, целоваться начал. Ну, да об этом они еще потолкуют. Без мамы, по-мужски. Рановато нынешние акселераты постигают любовь...

– Это ты, пап? – не открывая глаз, пробормотал Санька.

– Я, сына, спи давай.

Маленькая ручонка потянулась к нему, и, нагнувшись, Сергей позволил погладить себя по лицу.

– Колючий... Я тоже таким буду.

– Обязательно будешь.

Вглядываясь в лицо сынишки, Сергей почему-то подумал о дочке. Ну да, жена ведь очень хотела дочку, а он... Ему было все равно. Лишь бы здоровый красивый ребеночек. Вот и получился красивым – его славный забавный Санечка.

Екнуло сердце – неровным сдвоенным ударом. То ли попыталось о чем-то напомнить, то ли наоборот, окончательно забыло. Сергей прижал руку к груди, удивленно прислушался. С сердцем у него всегда был полный порядок. Что называется – не чувствовал и не слышал. Оно и сейчас всего лишь споткнулось. На крохотную несерьезную секунду. И снова мерно затикало, продолжая жить и работать. Работать и жить. Маятником, попеременно заглядывая в будущее и прошлое.

По последнему льду

– Хопана!..

В осколках солнца из лунки выпрыгнула серебристая рыбина. Крохотная радуга на миг зажглась и погасла. Упав плашмя, чешуйчатый богатырь замолотил тяжелым хвостом по льду, заплясал сердитую джигу.

– Ага, вот и чебак подоспел. Жирный-то какой! – хмыкая и приохивая, Олег подхватил плясуна, бережно отцепил от крючка. – Ух, ты мой, жиртрестюшка! Дай, я тебя поцелую. Прости, что поймал.

И впрямь чмокнув рыбину, он перебросил добычу в выдолбленное во льду подобие заводи. Там уже плескалось больше дюжины похожих красавцев.

– Чего они тебя так любят? – Павел с удивлением уловил в собственном голосе ревнивую неприязнь. Вроде друзья, и рыбалка рядовая, а все равно завидовал.

– Ты же знаешь, я для них бог! – Олег княжеским жестом, словно открывая золотой портсигар, развернул на колене кулечек с мотылем, насадил очередного червячка. – Я их тоже люблю, так что это у нас взаимное. Вот увидишь, сейчас снова клюнет. Либо чебак, либо что посерьезнее.

Павел нервно качнул удочкой, и темный кивок милостиво дрогнул. Рука сработала, точно катапульта, и по юркому живому трепету изогнувшегося пластика он моментально почувствовал – что-то есть!

Несколько вываживающих леску взмахов, и из черного зева лунки пулей вылетел ершик. Был он, конечно, сердито встопорщенный, колючий, как дикобраз, но все равно выглядел смехотворно крохотным в сравнении с двухсотграммовыми симпатиями Олега.

– Ничего. Из ерша уха самая сладкая... – утешая себя, пробормотал Павел.

– Оно конечно, – поддакнул Олег и тут же взметнул над собой выгнувшееся удилище. Через несколько запышливых секунд из его лунки, точно ракета из стартовой шахты вымахнула самая настоящая щука. Не особенно крупная,

но вполне габаритная – с локоть, в равной степени годная для ухи и фотографии.

– Ты гляди, на малинку клюнула! Обычную малинку! Со всем офонарела рыба...

Павел вновь поймал себя на желании запустить в приятеля чем-нибудь увесистым. Ну, ровно пацан какой! И ведь повторялось так из поездки в поездку. У Олега клевало, у них – все шло абы как, и друзья нервничали, злились, выходили из себя. Ну не получается у рыбаков не завидовать собратьям везунчикам! Хоть руки себе режь и глаза выкальвай. Так бы и поменялись сейчас лунками! А самое смешное – что и удочка у рыбьего любимчика чужая, и мотыль из Толиковой берестянки, а клевать подледная братия все равно предпочитала у Олега!

Толик – тот вовсе не выдержал, убрел пытаться счастье на другой конец озера. Потому как нервный и долго на одном месте усидеть не может. А вот Олег – куда ни засядет, везде с рыбой. Казалось бы, самый неустроенный из троих, бесквартирный, бездетный, а все равно везунчик. Потому что глупая рыба перла к нему и только к нему, точно что-то такое чувствовала,, возможно, даже старалась компенсировать прочие Олеговы неудачи. Везло-то Олегу исключительно на рыбалке – в жизни похвастать тем же самым он как раз не мог. Купил, скажем, однажды машину – через неделю в асфальтовый каток врезался. Сколотил домишко на дачном участке – пришлые бомжики-бродяжки тут же его и со-

жгли. Кстати, на том же участке несколько позднее у Олега более жутковатый случай произошел. Соседи погреб чистили – да не метелками, а серным газом, от грызунов и плесени. Понятно, зажгли серные брикеты и плотненько все закупорили. Не учли одного – что Олег, наученный горьким пожарным опытом, углядит куцые струйки дыма и бросится спасать чужое имущество. Он и бросился. Нырнул бедолага вниз, хватанул легкими газа – там и слег возле лесенки. Хорошо, соседи вовремя вернулись – успели откачать да отпоить героя.

Да что погреб, они и на эту рыбалку с приключениями добирались – Олег единственный из всех умудрился провалиться под лед. И ведь шагал между Толиком и Павлом, а все одно провалился. Последний лед – это вам не весенний. Тот колется звонко, наперед трещит да прогибается, словно предупреждает. Последний же лед просел под Олегом совершенно беззвучно. Ух! – и нет человека. Одна только голова над снежно-водяной кашей дергается. Ясное дело, сумку с водкой Олег успел отбросить в сторону, а вот удочку, коловорот и червей – все утопил. Конечно, вытянули его, бедолагу, а он и греться не стал. Отжал наспех одежонку, глотнул из бутылки – и поскорее к лункам. Пока вертел-крутил коловоротом, согрелся и ожил. У Павла реквизировал запасную удочку, у Толика приманкой разжился. Выдолбил ямину для будущего улова, поплевал на крючок – и вперед! Правда, волосы до сих пор мокрые, точно пиявки, расплзшиеся на лбу,

но физиономия так и сияет. Потому как дорвался, обалдуй, до главного своего счастья!

Губы Павла сами собой разъехались в стороны. Стало смешно. От собственных егозливых мыслей, от Олегаовой удачливой невезучести, от нервной беготни по озеру Толика. Бывают люди, что скучают наедине с собой, а бывают такие, что скучают в компаниях, – Павел обычно скучал в компаниях. В любых, кроме одной-единственной, в которой куковать приходилось с Олегом и Толиком. Как правило, в детстве друзей заводят десятками и дюжинами, в зрелом возрасте душа ищет тишины и уединения. А может, корочкой обрастает, скорлупкой недоброй. Друзья ведь не посуда – расставил и забыл. О них помнить надо, заботиться, любить да жалеть периодически. Значит, хочешь не хочешь, а кусочек сердца вынь да положи, и кусочки – они у людей тоже разные выходят. В детстве-то сердце обхватами меряют, тоннами да гектолитрами. У взрослых – иная картина и иные мерки. Вот и его дружба с Толиком и Олегом тянулась лет с семи; обоих он знал, как облупленных, и все положенные сердечно-апельсиновые дольки давным-давно поделил с ними поровну. Во всяком случае, для них он точно бы снял последний полушубок со всем полагающимся исподним. К слову сказать, не раз и снимал – случалось такое в жизни. И над ними же мог без стеснения потешаться, язвить да хохмить. Понятно, в свою очередь терпел ответные наезды да насмешки.

– Что, Павлуш, будет у нас бартер – твоих ершиков на моих кабанчиков? Я, к примеру, согласен. Давно ершиной ушцы не ел, а ты, я знаю, жареных чебачков обожаешь.

Павел скривился. Ершик у него был один-единственный.

– Ну, чего молчишь? Согласен, нет?

– Твоих чебачков еще на предмет глистов проверить бы надо.

– Нормально у них с глистами! Все, как у людей. Так что закусывай и не волнуйся – хуже не будет... О-о, глянь-ка! Наш деловой бредет!

Оба уставились в сторону размашисто вышагивающего Толика.

– Что-то не вижу я у него рыбы.

– Шутишь? – Павел улыбнулся. – Он у нас бегун-разрядник, а здесь вон какое раздолье! Километр от лунки до лунки – самое то для нашего скорохода!

– И важный какой, смотри-смотри! – потешался Олег. – Прямо медведь топтыгин! Уть-путь, уть-путь, – даже под ноги не глядит. Вот увидишь, сейчас нырнет...

– Не каркай, пловец! Это к тебе простуда не липнет, а нам с Толяном болеть нельзя. У нас детки малые, тещи с зятьями да жены.

– Знаю, видел у Толика на стене. Посадил, называется, генеалогическое древо. Уже и для внуков кружки заготовил. Не терпится человечку.

– А что такого? Я тоже внуку бы обрадовался.

– Внуки-то ладно, дело в другом. Все кругом стали деревья себе рисовать, родословные изучать да подмалевывать, и вы туда же поскакали. Что, в аристократию потянуло? Или за модой гонитесь?

– Мы историю рода восстанавливаем. Попутно историю страны изучаем.

– Знаю я, как вы изучаете – с пивком да за компьютерными играми. Пузико интеллигентское отращиваете...

– Тебе и обидно, что у самого такое не получается вырастить. Плоский, как доска.

– Доска – она в любом хозяйстве сгодится. А вот вас, шарообразных ни к какому делу не пристроишь!

– Это ты про интеллигентов?

– Про тщеславие, Павлик. Потому как все ваши деревья генеалогические – всего лишь удобрение собственного тщеславия.

– Удобрение... Тщеславие... Стиль-то какой!

– Ну так! Тоже книжками временами балуемся. Знаем, чем Лесков от Толстого отличается.

– Бородой, что ли?

– Я про другое: вам бы, господам аристократам, обычные деревья научиться сажать, вот было бы дело.

– Сажают людей, не деревья, – Павел выдернул очередного ершика, взвесив на ладони, отпустил обратно. – Я, кстати, пробовал со своим сынишкой деревья сажать...

– Ну?

– Саженцы не поленился купить, домой привез.

– Ну?

– Вот тебе и ну! – Павел мокрыми пальцами кое-как нацепил мотыля на крючок, спустил в лунку. – Поверишь, битый час бродили по дворам и пустырям, искали место, куда воткнуть наши стволики. Кругом заборы, машины, все в асфальтовой броне. А где не асфальт, там собачек выгуливают – с челюстями, как у тигровых акул. Они стволики вроде наших, как соломку перекусывают.

– И что сделали?

– В лес поехали. Там и посадили на какой-то поляне. В лесу сажали деревья, прикинь! И смех и грех.

Павел оглянулся на хрусткие шаги. Странное дело, их третий напарник Толик и в нынешнем сермяжном виде – в валенках и полушубке – выглядел начальником. Импортная удочка элегантно возложена на плечо, меховое шапо сидит ровно, как фуражка на военном. Осанка и шаг – соответствующие, несмотря на живот и двойной подбородок.

– Ну? И где рыба? – Олег блеснул насмешливым прищуром. – Как обычно, оставил народу?

– Чего там оставлять, – мелочевка... – Толик пренебрежительно качнул плечом, поочередно заглянул в мешок к Павлу и в самостийную заводь Олега. – Ага, как обычно: дуракам везет, лентяям – не очень.

– Профанирует! – Олег кивнул Павлу на Толика. – Прогулял всю рыбалку, даже ершей не надергал и нас же с тобой

ссорить пытается.

– Разделяй и властвуй, – поддакнул Павел. – Начальники – они повсюду такие. Особенно, когда с уловом да делами незадача.

– Как говаривал барон де Кубертен: главное не победа, а участие, – невозмутимо откликнулся Толик. Присев на корточки возле Олеговой заводи, точно котят принялся оглаживать плавающих подлещиков и чебаков.

– Куда руки суешь! – прикрикнул Олег. – Своих гладь, мои этого не любят.

– Не бурчи, ласку все любят.

– Все, да не всякого!

– Просто вы оба мне завидуете.

– Мы?!

– Ага, – Толик спокойно кивнул. – С самого первого класса. Я пирожками вас кормил, вы завидовали. Списывать алгебру давал, опять же завидовали. Теперь статусу моему завидуете, уму и богатству.

Олег, услышав такое, даже удочку на лед отложил.

– Во, дает! Ты что, в самом деле, считаешь себя богатым?

– Разве нет? У меня трехкомнатная квартира, авто, дача.

– Да машины сегодня, считай, у всех!

– Ну, во-первых, не у всех, и кроме машины у меня есть сад, в котором растут яблони, облепиха с вишней, сто кустов крыжовника и полсотни смородины. Есть трое детей, три собаки и два глуповатых друга. Плюс жена – работающая и, за-

мечу, неглупая. Ониоманка, правда, но такая уж у них природа – по магазинам шастать. Словом, имеется все, что положено богатому человеку.

– В самом деле, сто кустов крыжовника – это сильно, – фыркнул Олег.

– А еще я раз в квартал надираюсь до беспамятства и нормально возвращаюсь домой, – с ухмылкой добавил Толик. – Своим ходом, заметьте! Трижды в год катаюсь с семьей в Европу или куда подальше.

– Куда подальше посылают, а не катаются.

– Демагогия, – коротко отсек Толик.

– Пижон, – парировал Олег. – Раз в квартал он надирается... Нашел чем хвалиться!

– В самом деле, – подыграл Павел. – Раз в квартал – как-то даже неприлично.

– Приличнее не получается... – Толик вздохнул. – А вообще-то я про Самоката хотел сказать.

– Какого Самоката?

– Забыли уже? Вовку нашего Самокатина.

– И что, Вовка?

– Ничего. Умер он.

– Да ты гонишь, начальник!

– Все истинная правда. Сестра его только что отзвонилась. По мобиле. Звала на похороны. Я затем к вам и пришлепал.

– Да-а... – Павел переглянулся с Олегом, поскреб переносицу. Шутки и треп кончились. Минуту или две они помол-

чали.

– А чего сразу-то не сказал?

– Так это... Подготовить хотел.

– Ну, подготовил, дальше-то что?

– Дальше – похороны.

– Здравсьте! Мы-то здесь причем?

– Она и нас звала. Однакашники все-таки...

– Однокашники – словечко старорежимное, – возразил Павел. – Это когда весь класс кашу из одного котелка черпал в перемены. Мы с Самокатом каши одной не ели.

– Не знаю – ели там или не ели, но вся процедура завтра в десять. Сбор возле школы.

– Да ты с дуба рухнул! – Павел даже поперхнулся. – Как это завтра? А рыбалка?

– Вот именно! – подхватил Олег. – Мы же на два дня сюда приехали! И за домик вперед заплатили. Можно сказать, только начали.

– Мое дело передать.

– Вот и забудь, что передал. Мы тебя не видели, ты нас не слышал...

– Хорошо, я мобильник до сих пор не купил! – порадовался Олег. – Как вы живете с этими мяукалками, не понимаю.

– Я свой тоже на рыбалку не беру, – поддержал его Павел.

– Погодите, погодите! Вы к чему клоните? Мне что, одному на похороны переться? – возмутился Толик.

– Зачем переться, с нами оставайся.

– Ну вообще-то как-то оно не того...

– Чего не того-то! Если бы к другу или приятелю позвали, понятно, а это же Самокат. Ты что, дружил с ним?

– Нет...

– Вот и успокойся! Сиди и отдыхай вон возле лунки.

– С Самокатом вообще никто не дружил, – качнул головой Павел. – О покойниках, конечно, не положено плохо, но... Гадом ведь был, сами знаете. У своих крысятничал, по портфелям лазил. Только и знал, что юлить между вашими и нашими.

– Журнал классный за гаражами сжег, а свалил все на Ваську Третьякова, – кивнул Олег. – А когда зеркало в физзале мячом кокнул, все, как лоси, осколки собирали, я – вон руку порезал в семи местах, а он свинтил. Сам раскокал – и сам же свинтил.

– Меня из-за него старшаки раз побили, – припомнил Павел. – Нос сломали, фонарей наставили.

– Помню, – кивнул Олег. – Это когда они внизу курили, а он им на головы кирпичугу уронил?

– Ага. Только он с четвертого ронял, а я, балбес, на третьем сидел, на солнышко шурился. Вот меня и узрели. Поднялись и чуть мозги не вышибли. Это я потом допер, что Самокат за какие-то свои обидки мстил. Специально ведь все подстроил!

– Да уж, пакостить да мстить он умел, – кивнул Толик. Потерев массивные ладони, неспешно продолжил: – У меня

раз в папке пирожки с повидлом лежали, для вас, кстати, покупал, а он увидел и разобиделся. Словом, минут через десять озираюсь – папки нет. С вами же потом искал по всем коридорам и классам. Нашлась в туалете на первом этаже у первоклашек. Без пирожков, понятно, и вся набита чинариками. Я тогда чуть не заревел.

– Да ну?

– Точно вам говорю. Сейчас-то уж чего стыдиться... Пирожки-то не жалко, а вот от махры папку полгода пришлось отмывать. Насквозь пропахла. И не простая ведь папка – отец подарил, специально из Финляндии привез. Знал, что я о такой давно мечтал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.